ПОМНИТЬ НАДО!

С. МАРШАК

ВЧЕРА в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялся вечер, посвященный памяти выдающегося советского шекспироведа, профессора Михаила Михайловича Морозова. Вечер организован Союзом писателей СССР, Институтом мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР, обществом «СССР — Великобритания». Домом дружбы с народами зарубежных стран. Театральной секцией Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами и Всероссийским театральным обществом. На нем было зачитано письмо С. Я. Маршак, которое мы публикуем.

В ОДНОМ из горьковских рассказов есть замечательные слова о том, как надо помнить людей, которые недаром прожили свой век.

Старик, герой этого рассказа, говорит, протянув руки к могилам:

«Я должен знать, за что положили свою жизнь все эти люди, я живу их трудом и умом, на их костях, — вы согласны?».

И дальше:

«...Я хочу, должен знать жизнь и работу людей. Когда отошел человек... напишите для меня, для жизни подробно и ясно все его дела! Зачем он жил? Крупно напишите, понятно, — так?...».

В беседах со мною и с другими Алексей Максимович не раз возвращался к этой теме, не раз говорил, что мы должны наконец научиться помнить людей, которые жили и работали среди нас, их дела и мысли.

Строго и настойчиво повторяю он:

— Помнить надо!

* * *

Я рад, что деятели литературы, театра и представители обществ дружбы с зарубежными странами организовали сегодня этот вечер, посвященный памяти нашего друга и товарища, выдающегося шекспироведа М. М. Морозова.

Десять лет прошло со дня его смерти, немало работ о Шекспире написано за это время у нас и за рубежом, а взгляды Михаила Михайловича до сих пор остаются передовыми, книги и статьи его до сих пор действительны, ибо они говорят о народности и реализме Шекспира, борясь с реакционно-романтическими истолкованиями творчества великого драматурга.

Еще убедительнее, чем прежде, звучат сейчас, в свете новых работ, слова М. М. Морозова о том, что теории, отрицающие авторство Шекспира, лопаются, как мыльные пузыри.

Десять лет прошло со дня смерти Михаила Михайловича,

а нам кажется, что еще вчера он был среди нас. Так свежа память о нем в аудиториях, где он выступал с докладами и лекциями, в театрах, где он бывал не только на спектаклях, но и на репетициях, во Всероссийском театральном обществе, где он руководил кабинетом Шекспира и проводил памятные шекспировские конференции.

Многие из нынешних литературоведов и театроведов студентами слушали его увлекательные лекции, в которых богатая эрудиция так счастливо сочеталась с мастерством изложения.

Мы не помним ни одной московской театральной премьеры, ни одного вернисажа, где бы нам не бросалась в глаза крупная и такая заметная фигура Михаила Михайловича.

Все в нем было броско и ярко: остро глядящие черные с блеском глаза, звучный голос, громкий смех.

Несмотря на его большой рост, мы неизменно узнавали в нем того жадно и пристально вглядывающегося в окружающий мир ребенка — «Мику Морозова», которого так чудесно изобразил когда-то великий русский художник Валентин Серов.

В те дни, когда я работал над сонетами Шекспира, и позже, во время нашей совместной с ним работы над переводом «Виндзорских насмешниц» для Театра имени Моссовета. Михаил Михайлович чуть ли не каждый день бывал у меня. Помню, какое сильное впечатление производили его внешность и голос на моего маленького внука.

Однажды, сидя за общим столом в писательском доме отдыха, мальчик с чувством гордости и даже не без некоторого хвастовства во всеулышанье объявил:

— А у моего дедушки и бабушки есть Михаил Михайлович!

Вероятно, он казался моему пятилетнему внуку добрым сказочным великаном.

Михаил Михайлович был не только замечательным литературоведом и знатоком театра, но и подлинным языковедом.

Он глубоко знал родной язык. Русская речь звучала в его устах вкусно, свежо и сочно — недаром он был коренной москвич, да и английский язык владел в совершенстве.

Удивительно, как удавалось ему сочетать сосредоточенный, иной раз кропотливый труд по изучению языка и стиля Шекспира, его эпитетов и метафор со множеством публичных докладов и лекций, с деятельным участием в создании истории

английской литературы, с постоянной работой в журналах и газетах.

А как широк был круг тем его книг и многочисленных статей! Значительная часть их посвящена драматургии, которого он любил глубоко и неизменно, — Шекспиру. Но наряду с этой основной своей работой он писал и о современном Шекспире Кристофере Марло, и о шотландском поэте Роберте Бернсе, и об английских народных балладах, и об А. Н. Островском как о переводчике Шекспира, и о наших русских знаменитых актерах — таких, как Андреев-Бурлак, Иванов-Козельский, Модест Писарев.

Неоценим скромный и самоотверженный труд М. М. Морозова по созданию дословных, подстрочных переводов «Гамлета» и «Отелло» и комментариев к ним.

При жизни Михаила Михайловича эти дословные переводы были изданы Охраной авторских прав и напечатаны на стеклографе всего только в количестве 150 экземпляров. Только после его смерти по настоянию его друзей и почитателей эти переводы были включены в сборник его избранных статей и переводов.

Да, в сущности, Михаил Михайлович Морозов на протяжении многих лет был неизменным помощником и советником всех, кто переводил, ставил или играл на советской сцене Шекспира. Он принимал самое близкое и деятельное участие в постановке шекспировских пьес не только в Москве, но и во многих городах Советского Союза — Ярославле, Горьком, Минске, Ереване, Тбилиси, Ташкенте, Риге, Воронеже...

Умный и талантливый исследователь, лингвист, теоретик художественного перевода, блестящий лектор, щедрый учитель молодежи, М. М. Морозов оставил после себя светлый и глубокий след в истории нашего литературоведения, в истории советского театра.

А те, кому довелось знать его лично, никогда не забудут милого Михаила Михайловича, до конца, до последних своих дней так сильно, по-детски любившего жизнь.